

алла лескова

Кошка дождя

Алла Лескова
Кошка дождя

«Издательские решения»

Лескова А.

Кошка дождя / А. Лескова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830685-3

Перед вами второе издание книги Аллы Лесковой «Кошка дождя». Впервые книга вышла в издательстве «Franc-tireur USA», которое сотрудничает с русскоязычными авторами. Книга писалась в драматический период жизни Лесковой, в том числе в палате онкологического центра. Однако читать ее, так же, как и первую, легко, весело, грустно... В ней есть все, что нужно живой, пульсирующей душе и такому же уму. Лескова в художественных текстах по-прежнему изящно проводит с читателем сеансы психотерапии.

ISBN 978-5-44-830685-3

© Лескова А.

© Издательские решения

Содержание

Ха-ра-шо	7
Мцырик	8
Эх...	9
Интимное	10
Почему	11
И это тоже	12
Наша Маша	13
Вот это да	14
Для тебя	15
Утренняя собака	16
Пока, Толя	17
Медсестра запаса. Еврейка	18
Вы этого достойны	19
Он светится	20
Рыба к пиву	22
Женя	23
Куртка	24
Собачьи глаза мужчин	25
Володя	27
Тут хрустел я	28
Клубника в мороженом	29
Покорная Алла	30
Нет, ответьте	31
Гречка при синагоге	32
Или про ее отсутствие	33
Родная	34
Ленин во мне	35
Розы на постели	36
Так и не поцеловал	37
Я вас тогда люблю	38
Плакал и плакал	39
Да ну вас всех	40
Не ешь	41
Ничего не понимаю	42
Снаряды и сердца	43
Скорбные лица счастливых	44
Вагрухи	45
Жаркое лето, 2014-й	47
Ирина	48
Мед с комаром	49
Героям слава	50
Тонкие вены	51
И тебе заодно	52
Крутая	53
Бахила	54
Нельзя	55

Павлин	56
Как все	58
А иначе зачем	59
Это было забавно...	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кошка дождя

Алла Лескова

© Алла Лескова, 2016

© Дарья Демина, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-0685-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В чем секрет этой загадочно обаятельной прозы?

Нет ведь ни интриги, ни деяний героических, ни цельного сюжета даже нет.

А весь секрет – в личности автора. Женщины умной, наблюдательной, с очень чистой душой и поразительно ненатужным, редким чувством юмора.

И потому от этих дневниковых записей не только трудно оторваться, но еще и чуть светлеет окружающий нас мир.

Спасибо, Алла! Всем знакомым я советую читать Вас.

ИГОРЬ ГУБЕРМАН

Алла Лескова – человек эпохи возрождения интереса к частной жизни.

Неудивительно, что ее писательство началось с мимолетных наблюдений в фейсбуке.

Пока застывшие в гражданской позиции блогеры делились эсхатологическими прогнозами и решали проклятые вопросы, голос здравого смысла и чувства пробивался как цветок сквозь асфальт несравненной правоты.

Залог успеха историй Аллы Лесковой в том, что, рассказывая о себе, она рассказывает обо всех и каждом.

Глядя на окружающее широко раскрытыми глазами ее лирической героини, читатели возвращаются в обыденный мир автобусов, кастрюль и живущих в соседнем дворе товарищей сказочно преображенными.

Это не новый, это старый добрый сентиментализм.

На высоте всех опытов и дум искушенному читателю любой эпохи полезно вспоминать, что и крестьянки любить умеют. Заслугой Карамзина была не демократичность, а обратная связь с реальностью.

Бессюжетная, казалось бы, проза Лесковой обладает внутренним стержнем.

Любая ее история о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Катарсис – это момент, в который мы соприкасаемся с чудом. Вокруг-то ничего не изменилось. И тут вдруг такое.

АЛЕКСЕЙ АЛЕШКОВСКИЙ

Проза Аллы Лесковой – той природы, которую я больше всего ценю. Она равна человеку – притом как во внешнем пространстве, так и во внутреннем. Редкая гармония, когда внутреннее схлопывается с внешним (пространство и время) и получается одна вселенная. Прекрасная.

АНАТОЛИЙ КИМ

Ха-ра-шо

Все-таки у нас очень культурная столица.

Явно дню памяти Хармса утренняя поездка на работу посвящена была.

Все очень старались, как будто готовились.

Водитель никак не передавал сдачу с двух полтинников на заднюю площадку.

Ему оттуда женщина с детским голосом время от времени кричала:

– Сдачу с двух полтинников!

Водитель ей через весь автобус меланхолично отвечал:

– Харашо.

Но не передавал.

Все замерли и стали заинтересованно улыбаться, готовясь кто к чему, по потребностям.

Потом с передней площадки вошла женщина с палками от скандинавской ходьбы и сказала:

– Уступите мне место кто-нибудь.

Все замерли и стали смотреть на ее скандинавские худые палки, на ее ноги-руки, которые все были на месте, и на дорогой стильный рюкзак за плечами.

Тут стала неуверенно подниматься со своего согретого места молодая полная женщина, но ей по коленям хлопнула сидящая рядом монументальная родинаматьзовет, и молодая женщина сразу вернулась в исходное положение, покраснев.

В это время с задней площадки опять попросили сдачу с двух полтинников без всякой угрозы в голосе.

– Харашо, – ответил водитель и не передал.

Скандинавская палка настаивала, чтобы ей уступили место.

Родинаматьзовет посмотрела на нее и сказала:

– Вы совсем наглая или как? С какой стати место вам уступать?

– Я с палками, поэтому, – отвечает скандинавка.

– С двух полтинников сдачу передайте, – шестой раз попросили с задней площадки упавшим голосом.

– Харашо, – ответил водитель громко. И не передал.

– И что с того, что с палками? Инвалидка, что ли? Ходите, как придурки, с этими палками, все худеете, а мы места вам уступать должны? Совсем спятили. С палками она.

– Я устала, я не девочка, у меня болят все мышцы, уступите, пожалуйста, кто-нибудь! – воскликнула с палками.

С задней площадки опять напомнили о сдаче, и водитель ответил: «Харашо», но не передал.

А родинамать сказала:

– Устала она, худеть устала. Не, ну умора просто, обалдеть просто.

А с задней площадки...

А водитель...

Но так и не передал.

Мцырик

Со мной за школьной партой сидел молчаливый задумчивый двоечник Сашка Гордеев. Он был светленький, с бесцветными ресницами над опущенными в учебник глазами и все время подпирал подбородок небольшой ладонью.

В учебнике он ничего не видел, думал о своем и только что-то пририсовывал все время то к картинкам, то к названиям параграфов или произведений.

Однажды, когда мы проходили «Мцыри», я боковым зрением увидела, что Сашка опять что-то пририсовывает в учебнике. Оказалось – букву К.

«МцыриК».

Именно так теперь называлась у Сашки поэма Лермонтова.

Поэму эту он не читал, вообще ничего не читал, а только о чем-то все время думал и что-то пририсовывал.

Я увидела «МцыриК» и засмеялась.

Мне очень понравилось это слово и вообще дегероизация Мцыри с помощью одной буквы.

Почуввав неладное в моем смехе, к парте подошла литература и русский, резко повернула к себе учебник, решив, наверное, что там про нее что-то плохое. Что-то типа Марьянна дура.

Но увидела МцыриК и отругала Сашку за то, что он портит учебник и великую поэму, а меня за то, что смеюсь.

Смех во внеурочное, точнее в урочное время и буква К, пририсованная самовольно и с вызовом (как ей показалось), вызвали у литературы приступ гнева. Сашка получил очередную двойку.

Формально за невыученный отрывок, а теперь я думаю, что за покушение на каноны и монументальность хрестоматийного произведения.

– А тебе, Алла, должно быть стыдно, – сказала литература. – Ничего смешного в поэме Лермонтова нет, ты-то понимаешь, а Гордееву могла бы и замечание сделать, а не потакать смехом.

Я вспомнила про Мцырика года через три после выпуска, когда мы собрались классом у кого-то дома, уже почти взрослые.

Сашка опять сел рядом со мной за столом, такой же молчаливый, маленький, с белыми опущенными ресницами, которые, впрочем, поднял один раз, и сказал:

– А в твоих глазах по-прежнему утонуть можно.

Я это хорошо запомнила, потому что женщины такое не забывают.

Ему же я напомнила про Мцырика и спросила:

– А зачем ты К тогда пририсовал?

А Сашка ответил, что его никогда мать не называла ласково... А отца вообще не было. И Мцыри как-то тоже непривычно и неласково звучало. Не то что Мцырик.

– Только никому не говори, ладно? – попросил он.

– Не скажу, – ответила я. – Никому.

Никому и не сказала. Только вам через столько лет решила рассказать...

Эх...

Ну и что хорошего в вашей зиме, кроме снега?

Гололед и транспортный коллапс.

И я упала, конечно, на сплошном льду во дворе, это мое хобби. Мандарины из сумки высыпались, такие красивые на снегу.

Мужичок совсем непритязательный мимо шел, стал мандарины собирать, а я лежу, на зимнее небо смотрю.

Говорю ему:

– Ты бы лучше меня поднял, чем мандарины мои.

– Так мандарины же легче, – отвечает.

Собрал мандарины и за меня взялся.

Но я уже почти на ногах была, на одной точно.

– Опохмелиться не на что, – говорит. – Дашь?

Дала.

И с больной коленкой спешу на работу.

А он рядом идет, мандаринку мою ест.

Потом за локоть тронул и говорит:

– Видишь пятиэтажку, вон... Я там вырос. Все детство там прошло. Ты хоть понимаешь? Все детство!

– Понимаю, конечно...

– Ничего ты не понимаешь, – как-то горько сказал мужик и пошел в другую сторону.

Интимное

Сегодня наблюдала очень смешную сцену.

Муж, стоя во дворе под своим балконом, очень громко разговаривал со своей женой. По-грузински и с характерными жестами.

Жена стояла на балконе и тоже очень громко и как бы возмущаясь что-то отвечала мужу. И тоже с характерными жестами.

Они смотрели друг на друга и так что-то громко выясняли, очень темпераментно.

Но.

Самое интересное, что они все это говорили... в мобильники.

Было впечатление, что они ругаются.

Но это обманчивое впечатление. У некоторых народов так можно объясняться в любви.

А мобильник... Он, наверное, придавал им ощущение какого-то приватного и интимного разговора.

Который слышал весь квартал.

Мне очень понравилось.

Почему

Я думала, таких проводниц не бывает.

У вагона поезда Петербург – Москва в ожидании пассажиров стояла необыкновенная женщина.

Одна на всем длинном неуютном перроне, в форме, которая ей очень шла и красиво ее, миниатюрную, облегла.

Длинные кудрявые огненно-рыжие, естественного цвета, волосы.

Синие, настоящий синий редкий цвет, огромные глаза.

Ненакрашенные детские губы.

Очень грустная и красивая. Очень рыжая.

Я даже чуть остановилась, таких красивых и грустных рыжих проводниц я никогда не видела.

Что она делает в поездах?

Почему там?

Почему грустна и так красива?

Почему никто не подхватит ее на руки, такую миниатюрную и красивую и грустную, и не увезет навсегда в другую жизнь из этих пропитанных чужими запахами и судьбами вагонов?

Никогда не узнаю.

И это тоже

Наша кошка лежит на телевизоре и смотрит на меня.

А я смотрю на нее. Часто и подолгу смотрю.

А она на меня.

То сужает глаза, то расширяет.

То прикрывает их устало и вздрагивает во сне.

То внимательно смотрит совсем человеческими глазами и не моргает.

Они меняются, как у человека.

Я смотрю на нее и успокаиваюсь. И я думаю, какое счастье, что ты есть у нас.

Живая, веселая, хулиганистая, заботливая и ласковая. И все понимающая. Все. Даже не сомневаюсь.

А до этого почти двадцать лет был у нас Пушок.

Он тяжело умирал.

Сын делал ему уколы, стиснув зубы и сглатывая слезы.

Я видела, что это уже бесполезно, но молчала. Все равно бы делал. Все равно бы надеялся.

Он звонил из института каждые полчаса и спрашивал, как там Пушок, не лучше ли, не стал ли ходить и есть и пить...

А потом Пушок резко вскрикнул, невыносим был тот крик, забываем... И обмяк. При мне.

Я была одна дома. Я позвонила сыну, и он примчался с другого конца города, клянусь, за пять минут.

А теперь на меня смотрит совсем другая, но такая же родная Муська.

А я смотрю на нее. И это тоже называется счастье.

Наша Маша

У Маши сегодня день рождения.

Она и так в тоскливые суровые будни обворожительная, а сегодня пришла – вообще!

Похудела за год на 20 кг, в платье красоты неземной, с новой негритянской прической и серьгами, повторяющими узор на платье, это же надо было так найти, так подобрать. Совершенно до неприличия.

Я ей так и сказала.

Что нельзя быть такой безукоризненной, нужно оставлять зазор, куда остальные женщины по работе могли бы влезть со всеми своими несовершенствами и килограммами.

Она расхохоталась и стала нарезать пирог с курицей и грибами из «Пирогового дворика» и рулет с яблоками и изюмом, оттуда же.

А потом ее пришел поздравлять наш юрист, бывший военный прокурор, который летом поперхнулся, увидев глубокое декольте другой именинницы, Лили, и тут же сказал, что Березовский вовсе не умер.

От смущения так сказал.

А сегодня просто онемел и не вспомнил ни одного олигарха.

Просто смотрел грустно на пирог и говорил:

– Какая ты, Машенька, все же. Какая ты...

– Да, я такая, – как всегда ответила Маша и начала фотосессию с бордовой герберой, которую утром я ей поставила в вазу.

А потом рассказала про вчерашний тайский массаж с настоящей таитяжкой, которая все время, за сто долларов в час, смеялась, хотя щекотно было Маше, а не ей. И смеяться должна была Маша.

Но она сдерживалась, стыдно было перед таитяжкой. Зато сегодня на работе посмеялась от души.

Хотя никто не щекотал, а просто было весело.

Вот это да

Считается, что с годами человека все труднее чем-то удивить.

Он как бы мудреет и успокаивается.

Он смотрит на эту жизнь всепонимающе, должен смотреть...

Он как бы давно не имеет претензий к миру и человечеству. Ему как бы все уже с ними ясно. С миром и человечеством.

Остается дожить свой век с полуулыбкой умеренных эмоций. Ровных и не новых уж точно.

Не получается так. У меня не получается. Наоборот.

С каждым годом я все больше начинаю удивляться всему, что происходит.

Глаза все больше расширяю, а руки все больше развожу в стороны.

Я удивляюсь и радуюсь. Или расстраиваюсь. Но каждый раз удивляюсь.

Как поразительно все же закольцовываются жизненные сюжеты.

На втором примерно курсе я зачитывала до дыр роман одного писателя. Перечитывала и спала с ним. И сегодня помню почти каждую страницу.

Прошло много лет, хотя на самом деле мало.

И вот мне пишет женщина с фамилией этого писателя и спрашивает, как купить мою книжку.

Женщина оказалась дочерью писателя.

И это мне не снится. Это так закручивается что-то новое в жизни, и у меня опять расширяются глаза и начинает биться сердце.

И потом мы общаемся, и она вдруг приезжает на один день в мой город из своего, на один день только. Чтобы повидаться, поговорить и подарить мне новые книги своего папы, которому уже много лет, но он работает, пишет и водит машину без очков.

И я открываю его новую книгу и читаю его пожелания. Мне.

И это опять не сон.

А когда она звонит папе, я стою рядом и слышу его голос.

И я говорю:

– Скажи, что я его люблю по-прежнему.

– Тебя Алла Лескова любит по-прежнему, – говорит она в трубку.

И передает его ответ:

– А я ее – с этой минуты.

И мы обе смеемся и понимаем, что это просто слова, которыми люди радуют друг друга. Просто так.

А потом он просит передать мне трубку, чтобы поздравить с книгой, и это снова не сон.

Но я краснею и отказываюсь.

И вся эта история прекрасна еще и тем, что я до сих пор могу стесняться и краснеть.

А не только удивляться каждый раз и говорить: вот это да...

Для тебя

И вот мы сидим с подругой в армянском кафе, и она мне дарит суперблендер.

Теперь я буду, просто обязана и должна, делать фаршированную рыбу и всякие котлеты. Потому что немым укором будет стоять этот блендер и сообщать мне, что я плохая хозяйка.

А блендер подруга подарила мне на день рождения, который был полгода назад. Все нам недосуг встретиться было. Но это как раз хорошо. Потому что чувство вины у подруги росло все эти полгода в геометрической прогрессии и повлияло на количество и качество подарков.

Она не только блендер подарила, да еще какой, а много еще всего и еще какого.

А потом мы выпили по бокалу вина, и, понизив голос, подруга распоясалась и призналась мне, что любит иногда под настроение послушать песни и певцов, за которые исключают из приличного общества и не жмут больше не только руки.

А я, еще больше понизив голос, сказала... о ужас... что я по-прежнему, если слышу «Ласковый май» с их белыми розами и беззащитными шипами или песню Амирамова «Молодая», то делаю громче и чувствую, что моя душа полностью растворяется в этих ужасных песнях.

А подруга, еще больше понизив голос и на всякий случай оглядываясь, сообщает, что они как-то с мужем, кандидатом физмат наук, читающим лекции в Оксфорде, два часа лежали и смотрели концерт «Радио Шансон».

Признавшись в этом, подруга заказывает еще бокал вина и тут же от ужаса выпивает.

Я тогда заказываю тоже и, отхлебнув и набравшись духу, признаюсь, что мне ужасно нравится дурацкая песня Кати Лель «...мой мармеладный, я не права». И что-то там потом в припеве про джага-джага.

Очень нравится песня эта и как ее Катя поет – особенно.

Потом мы почти шепотом, обалдев от собственной смелости, признаемся друг другу, что когда моем посуду, то любим слушать Стаса Михайлова, вот эту – «...для тебя, весь мир для тебя» и что-то там... татататам... и опять – «...для тебя!».

Мы обе понимаем, что завтра нам будет стыдно, но пока нам хорошо, мы признались друг другу в самом страшном.

В том, о чем многие боятся даже самому себе признаться. И так и живут как-то, худо-бедно.

И вдруг я вспоминаю, что сама Дуня Смирнова, сама утонченная и беспощадная в своей утонченности Дуня, да, та самая учительница «Школы злословия», завуч практически, тоже не так давно призналась... Как на духу. Не знаю, с вином или без... что ничего с собой поделывать не может, но берет ее за душу одна ужасная песня – «Ах, какая женщина, мне б такую».

И я говорю об этом подруге, и она расширяет зрачки и говорит:

– Дуня?????? Смирнова??????????

И на радостях и от облегчения дарит мне еще один подарок.

– Для тебя, для тебя, – говорит радостно. Весь мир для тебя, говорит. А потом просто начинает это петь.

И даже еще лучше, чем Стас Михайлов.

Утренняя собака

Ночью резко потеплело и стало душно.

Я открыла окно, но все равно не могла уснуть, совсем не спала, ворочалась. А утром встала рано на работу.

Вышла в тихий воскресный двор и ослепла от белого цвета.

Всю ночь, значит, шел снег.

Понятно, почему не спалось.

Уже давно я не могу уснуть, когда ночью идет снег.

Наверное, кто-то – кто? – как бы толкает меня специально, чтобы я не проспала эти мгновения.

Кто так нарисует? Никто. Быть может, лучше, но не так.

Долгие часы шел снег, всю ночь.

А утром снег очень белый, высокий и рыхлый, и осторожно ставишь ногу, потому что под такой красотой почти всегда опасность – лед или ямы. Как под любой красотой.

Но сегодня я шла по следу и не боялась.

След проложила утренняя собака, она пробежала как раз по той тропинке, которая ведет к моей остановке. И я шла точно по ее маленьким круглым следам, как по следам ангела-хранителя, если бы он мог летать по глубокому снегу.

Кто знает, кто знает...

Пока, Толя

Она вошла в спящий холодный автобус, дыша духами и туманами. И села у окна. И взяла мобильник и позвонила Саше.

– Саша, я тебе говорила сегодня, что люблю тебя? Нет? Вот. Люблю.

И отключилась.

Потом позвонила Игорю.

– Игорь, я говорила уже сегодня, что люблю тебя? Нет? Ну, вот говорю. Пока.

Потом набрала Лешу.

– Леша, я говорила, что я ведь тебя люблю. Сегодня еще не говорила, вот, говорю. Ну, пока...

Народ в автобусе начал открывать один глаз за другим.

Когда она позвонила Юре, все уже проснулись и пытались определить – это наяву или во сне.

– Толя, я тебе говорила сегодня, что я тебя люблю? Так вот, я тебя люблю. Пока, Толя.

Народ стал поворачивать затекшие шеи в сторону духов и туманов.

Это было наяву.

Она продолжала звонить, и голос у нее был, как у женщин, которые ничего никогда не умеют сами и не собираются уметь.

Ни гвоздь забить, ни коня на скаку, ни сумку с продуктами поднять и в горящую избу внести, ни сготовить. Ничего.

Не умеет, не будет уметь и не собирается.

Для этого есть мужчины.

Игорь, Леша, Толя, Юра... Любимые как один.

Такая женщина с духами и туманами. В холодном уютном зимнем автобусе. Сегодня.

Медсестра запаса. Еврейка

Ой, а у меня тоже есть военный билет, военной кафедрой университета выданный. Я там молодая и красивая и медсестра запаса. И еще там национальность написана. Забавно так читать – медсестра запаса, еврейка.

Это мелкое уточнение в свое время сыграло решающую роль в приеме наших семейных документов в консульстве Германии. Правда, мы потом передумали ехать туда на ПМЖ, но не об этом.

Помнится, я тогда принесла двадцать пять кг доказательств того, что я еврейка, но консульские дамы требовали еще и еще.

Они выпили всю мою кровь и кровь моего русского, по несчастью, мужа, с которым мы к тому времени прожили много лет и имели детей.

Они требовали доказать, что муж не прибился ко мне когда-то с целью стать сумрачным германским гением, а любит меня бескорыстно. И не является вшивым любовником, да еще русским, а является мужем.

Я им пыталась объяснить, что муж не может не быть любовником, но окончательно их запутала и нарушила их четкое консульское мышление своим поганым языком и шутками.

Они разозлились окончательно и снова потребовали новых доказательств моего безоговорочного и так еврейства.

И тут я вытащила дубликатом бесценного груза свой военный билет, где я молодая и красивая и медсестра запаса, еврейка. И они сдались. Капитулировали.

Все-таки военные билеты на них магически действуют.

Вы этого достойны

Знакомая, сорока с лишним лет, полная жизни, веселая и грустная одновременно, устроилась на новую работу.

Там она должна обзванивать всякие фирмы и приглашать на разные семинары.

Приходит в огромный ангар-офис, а там молодые менеджеры в мониторы дружно смотрят, глаза у всех белые, лица одинаковые, живы или нет – не очень понятно. Но одна рука точно жива, которая мышкой водит.

На ее приветствие никто не отреагировал.

Между собой не общаются, с ней, новенькой, тоже.

Ну ладно, что делать.

Новое поколение, пепси обпилось, оно этого достойно.

Стала знакомая себя сама развлекать, с монотонией бороться.

Звонит по фирмам и при этом всякие рожицы корчит в телефон, артистичная очень.

Голос модулирует, мимику.

Наедает же по сто звонков в день делать.

Молодые менеджеры повернулись дружно к ней, посмотрели белыми глазами и опять в монитор.

Не выдержала знакомая, спрашивает у рядом сидящего:

– А чего это никто у вас не смеется и даже не улыбается?

А тот говорит:

– Вы ошибаетесь. Все улыбаются, я сам сегодня сто смайликов друзьям отправил.

Он светится

Моя маленькая дочка подобрала на пыльной дороге от автобуса до колонии яркого разноцветного перламутрового жука и отдала его на свидании Сашке.

Сашка забрал его, положил на ладонь, долго рассматривал и сказал:

– Красивый какой... Я его возьму с собой. Там у нас красивого мало.

Сашка очень любил мою дочку и, когда мы приезжали к нему, отдавал ей все, что я ему привозила вкусного. Говорил, что ей витамины нужны, она маленькая еще. Ни в какую не брал.

И все равно я каждый раз привозила ему вкусного и полезного в надежде, что все же возьмет, а он не брал.

Только смотрел на нас во все глаза, наглядеться не мог, успеть бы, времени на свидание час...

И снова отдавал дочке – и персики, и конфеты, не помню, что еще...

Ему было 16, и он мечтал, чтобы его перевели во взрослую колонию, там будет легче, говорил он.

Когда-то я забрала его из зала суда, детдомовского пацана, и привела к себе домой, идти ему было некуда.

Ему тогда дали условный срок.

Я что-то говорила на суде, меня от газеты послали, пацан хороший, сказали, надо спасать...

Помогла и приручила и отвечала потом еще долго как за прирученного. Не по закону отвечала, конечно.

Все равно сядет, говорили мне все, знающие.

И он снова сел, через два года после того как.

Мне позвонил ночью прокурор района и сказал:

– Вашего взяли... мы же вам говорили... мы этот контингент знаем.

И потом мы стали с дочкой ездить к нему.

Больше у него никого не было, если не считать мамы, которая была жива, но пила и лишилась Сашки давно и по закону.

Она была несчастная, эта Галя.

Я ее нашла.

Она долго плакала и не сразу согласилась встретиться с сыном-преступником в колонии через столько лет. Но согласилась.

Всю дорогу нервничала.

А когда приехали, я осталась на улице, чтобы мать побыла вместе с сыном наедине, без меня.

Через час она вышла и сказала:

– Идите, он меня увидел и сразу спросил, где вы, почему не приехали... И все смотрел, когда вы появитесь. Мимо меня смотрел...

Я чуть не умерла в тот момент, так исчезнуть захотелось и так жаль ее было, и его, Сашку, и как будто я им мешаю и все испортила со своим никому не нужным добром... Которым все равно выслалась дорога в колонию. И из-за которого пацан спрашивает, где чужая я, а рядом сидит родная мать.

Галя тогда молча села на рейсовый пыльный автобус и уехала.

Не попрощалась.

Что ж ты так, Саша... Так обидел ее... Зачем про меня тут же спросил?

Сашка молчал.

Он вообще больше молчал, глаза только были выразительные, очень.

Он молчал, а потом невпопад сказал:

– А тот жук красивый еще жив, я его прячу, а по ночам рассматриваю. Он светится.

Рыба к пиву

Отправляла на почте книги.

Их было много, поэтому мужичок, который стоял за мной, все время вздыхал и говорил:

– Ну что ты будешь делать, зачем столько книг людям...

И матерился одним и тем же словом.

Я спросила:

– Куда вы спешите, не спешите. Сегодня суббота... Снег идет...

– Как не спешить, сын рыбу ждет... – сказал мужик.

Я повернулась и увидела в его руках скомканный черный пластиковый пакет, там и была рыба...

– Сын рыбу ждет? – переспросила я. – А что за рыба и зачем она ему?

– Сын рыбу ждет, к пиву, только освободился... – с вызовом как-то ответил мужик.

И я его пропустила.

Сын, который освободился и ждет рыбу к пиву от отца из другого конца страны, это сюжет гораздо сильнее всех моих сюжетов вместе взятых.

Женя

У девочки Жени из моего умственно отсталого девятого класса всегда был открыт рот. Ее никогда не покидало хорошее настроение, это только у умственно полноценных оно всегда плохое.

Они, мрачно усмехаясь, называют это «горе от ума».

Женя радовалась всему.

Особенно новым платьям, которые ей покупала мама.

Платья были все аляповатые и с бисером, но Женя так была счастлива и так всем спешила показать новое платье, что хотелосьшить еще сто тысяч блестящих бусинок, только бы она не переставала радоваться.

Ей уже исполнилось 18, а она все сидела в школе, без учебников и тетрадей, потому что мама работала с утра до вечера, чтобы покупать Жене красивые платья и туфельки, но даже в них Женю с ее открытым ртом и вечной радостью от жизни не брали ни на какую работу...

У Жени было полное доверие к миру, поэтому орлы из моего же класса, которые совсем не были дураками, а попали в школу за хулиганство, прижимали ее по углам для своих неумолимых целей, а Женя не роптала и получала удовольствие.

Как и все обычные девушки 18 лет, но только социально правильные и не позволяющие ничего такого «этим скотам».

Скоты вылавливались мною время от времени в самых неожиданных уголках школы и потом, утирая сопли и слезы, просили прощения у меня же.

Потому что Женя просто не поняла бы, за что у нее просят прощение. За то, что ей было приятно? Глупо.

На днях я встретила маму Жени, и она сказала, что дочку после школы взяли работать кем-то при церкви. То ли свечи убирать, то ли еще что.

Я вздохнула с облегчением и мысленно порадовалась, что в церкви она будет защищена.

И тут же узнала еще одну новость: Женя после школы родила девочку, ей уже пять лет, она ходит в обычный садик в очень красивых платьях и ярких туфельках.

Это все покупает ей бабушка, потому что Женя так и не научилась считать и что-то покупать.

Но она научилась молиться и креститься, вернее, ее научили в церкви.

Она очень любит свою дочь и молится за нее и за всех нас.

Куртка

Я купила куртку на два размера больше. Или на три.

Это она мне так понравилась, очень-очень понравилась, а моего размера не было.

Я пришла в ней домой и сын сказал:

– Ты чего... Она же большая тебе... Нет?

– Большая-большая, – говорю. – Но как она мне нравится! Господитыбожемой, как нравится... Посмотри, какой цвет

– Цвет – да, – говорит сын, – но она же большая!

– Большая-большая, – говорю, – но какая красивая. Как я могла ее не купить? Как не купить такую красивую? Такого цвета? С такой молнией и такими карманами, ну как?

И теперь у меня есть большая красивая куртка.

И пусть все думают, что сейчас так модно, и тоже накупят себе красивых и больших курток.

И все будут большие и красивые.

Собачьи глаза мужчин

Я принесла свои книги в небольшой магазин.

Ко мне вышел продавец в джинсах, сером свитере, с расслабленным взглядом.

– Не напрягайтесь, – не глядя на меня, сказал он. И тут же взял одну книжку, сел на стул и начал читать.

Я сидела на другом стуле и смотрела, как он читает, нагнувшись вперед и подперев щеку ладонью.

Он листал страницу за страницей, а я смотрела и еле сдерживала смех.

Очень необычный был продавец и вся эта ситуация.

И долго он будет молча читать? И долго я буду здесь молча сидеть? Он вообще помнит, что я еще здесь, и понял, кто я?

В магазине никого не было, и я от скуки стала вертеть головой и рассматривать все, что лежит и висит.

Там было много интересного.

Я увидела одну книгу, поднялась и подошла к полке, чтобы полистать ее.

– Не мельтешите, – сказал продавец. – Сядьте.

Мне стало совсем весело, и я, помедлив, снова опустилась на стул.

Продавец продолжал листать и читать. Потом резко повернулся ко мне и громко спросил:

– Вот тут у вас про собачьи припухлые глаза. У мужчины. Которого вы любили в детстве. Да...

– И? – говорю.

– Это как – собачьи припухлые глаза? Как это? Вот вы автор. Объясните мне, что это за собачьи глаза да еще припухлые?

– Э... ну... а... ну... собственно... а что я должна ответить?

– Что хотите! Я просто хочу понять! Почему?! – почти закричал продавец.

– Что... простите... почему... я даже... ну не знаю... как объяснить... – что-то опять пытаюсь я.

– Что вы так напряглись? Расслабьтесь... Я просто спрашиваю! Вот вы женщина, да? Я спрашиваю вас – вы женщина?

– Да... ну вы же видите... женщина ... – пролепетала я, сдвигаясь на край стула.

– Так ответьте! Ответьте мне, сорокалетнему мужчине! Как могут женщине нравиться собачьи припухлые глаза? А?

– Ну не знаю... Я же не говорю, что всем женщинам... Может, только мне... Про всех я не знаю... Только про себя... – превратившись в точку, попыталась я что-то объяснить.

– Нет! Нет, нет и еще раз нет! Не только вам одной! Всем! Абсолютно всем женщинам нравятся собачьи, черт побери, припухлые, блин, эти глаза! Потому что... Потому что грустные, да? Да?? Да???

– Ну... я... не знаю... даже... что... сказать...

– А я знаю. Зато я знаю. Я вам точно скажу, если вы не знаете... Всем. Вам. Женщинам. Нравятся грустные собачьи глаза. Поверьте мне, поверьте! – закричал продавец.

– Да я верю... почему вы думаете, что не верю... Вам-то виднее... Не кричите вы так... Успокойтесь. Мне уже никакие глаза не нравятся... – обреченно ответила я, и мне захотелось вылететь в форточку.

Продавец опять уткнулся в книгу и стал читать.

Через десять минут я демонстративно покашляла.

Он повернул голову и спросил:

– Вы еще тут? Можете идти. Свободны. Книги оставьте. Я вам позвоню.

Я вышла на улицу и сказала себе: что это было?

Рядом оказался какой-то пивной бар.

Я зашла, заказала грейпфрутовый сок и подумала, что приеду на работу и сразу напишу об этом.

Вот. Написала.

Володя

Наш охранник, спокойный русоволосый добродушный Володя, который воевал в Чечне, женился на Наташе, нашей уборщице и одинокой матери троих детей.

Все уборщицы цокали языками за спиной Наташи, поджимали губы и говорили, что Володе само собой сто лет не нужны ее трое от разных отцов детей и что она окрутила наивного доброго Володю.

Сегодня я сдавала Володе ключи, и на нем не было лица.

Я спросила, как Наташа, она недавно ушла в декретный отпуск для рождения Володе ребенка.

Володя дрожащим голосом сказал, что дела не очень хороши, что Наташу положили в больницу и есть угроза выкидыша. И что никак не могут установить точный срок, что же за врачи такие... И что болит у нее внизу живота.

– Ничего страшного, – сказала я. – Если в больнице, то в безопасности, все мы лежали в больницах, когда носили...

Но Володя как-то не очень успокоился и попросил, чтобы я с ним еще постояла и поговорила.

Я постояла с ним, но поговорить не очень у меня получилось...

Что можно говорить мужчине, у которого от любви к Наташе и страха за нее и ребенка дрожат голос и руки.

Я сказала, что мне кажется, что все будет хорошо...

– Правда? – спросил Володя. И добавил: – Мне страшно.
Как будто вовсе не он воевал в Чечне. Не Володя.

Тут хрустел я

Холодным воскресным утром я вышла на работу, да.

После какого-то полусна-полуяви.

Ночь в ожидании звонка будильника, так это называется...

Но идти надо.

Сорок минут простояла на холодном ветру, одна, как перст, на всем проспекте.

Наверное, неприлично в такое воскресное раннее утро ждать автобус. Вот он и не спешил.

Я почти заснула от холодного ветра и долгого всматривания вдаль, такая почти Ассоль...

Глаза слезились, и я их прикрыла и спала. Стоя.

Так, в полусне, вошла потом в автобус и упала на сиденье. Прислонилась к мокрому окну и тут же заснула.

Ехать почти час, до конечной, разбудит...

На соседнее сиденье положила пакет с едой на двенадцать часов дежурства, чтобы не мешал мне спать запахом запеченной с чесноком курицы.

Проснулась от хруста костей.

Это мужик на соседнем сиденье доел мою курицу и вытирал рот заботливо приготовленными мной для себя влажными салфетками.

Не могу сказать, что я глазам не поверила. Поверила, потому что сумка с едой стояла у него на коленях, уже почти пустая.

Запах запеченной в духовке птицы разнесся по всему автобусу, где были только я, водитель и мой уже не голодный сосед.

– Спите, еще не скоро конечная, я знаю, где вы выходите, я разбужу, – посоветовал мне незнакомец и стал медленно и тщательно вытирать влажной салфеткой каждый палец.

– Спите, я тут хрустел, разбудил, наверное... очень вкусно, кто-то оставил, вот я решил... не пропадать же... – добавил он.

Я на всякий случай заглянула в свою женскую сумку и проверила, все ли на месте.

Все оказалось на месте, но я даже не успела обрадоваться.

Меня разобрал такой смех, что тут же пропал сон и, как показалось, даже боль в горле и везде.

Когда смеешься, вообще все перестает болеть.

Попробуйте!

Клубника в мороженом

Сегодня на работе ни у кого не горел глаз.

Мы переглядывались потухшими, далекими от работы взглядами и молча спрашивали друг друга – а чего это так тоскливо сегодня у всех внутри?

Искать ответы не хотелось, тем более у всех они были свои, только для себя, и хорошо, если были...

Когда есть ответы, это лучше, чем беспричинная тоска.

И тогда мы решили: надо себя чем-то порадовать.

Вяло предлагались всякие варианты.

Вино сухое и мороженое... НЕТ.

Мороженое и апельсины. НЕТ.

Мороженое и шоколад и сок. НЕТ.

Спасение пришло в виде программиста Саши.

Он сказал, что вчера ел красивую, но несладкую клубнику.

О! Клубника и... мороженое!

Клубника в мороженом.

Макать каждую клубничку в белоснежный пломбир!

Вот, вот оно, искомое сочетание! И мороженое не таким сладким покажется, и клубника не такой пресной. А сочетание белого с красным еще и очень красиво...

Все сказали: во! это то самое! хотим!

Хотим, сказали все.

И пошли и купили два кг яркой крупной клубники и два брикета белого пломбира.

Захотели и сделали. Насладились.

Главное, наконец-то что-то захотели.

Потому что когда ничего неохота, даже клубники с пломбиром, это совсем, совсем беда.

Да.

Покорная Алла

Два года назад я была в Израиле и побывала в гостях у друга, в Хайфе.

Он спустился вниз за сигаретами, а я смотрела с его балкона на улочку, которая поднималась вверх, а под балконом на старой пыльной машине без колес все время спала кошка.

Я смотрела на эту улочку, на спящую несколько дней в одной позе кошку, на продавцов в соседней лавке, которые громко разговаривали по-азербайджански, и пыталась запомнить этот момент...

Друг поднялся в квартиру, ответил на телефонный звонок, что-то сказал в трубку на иврите и попросил меня надеть на голову шаль, которая была у меня на плечах.

Я протестно вскинула глаза, но тут же осеклась.

Он сказал:

– Так надо, прошу. Не ерепенься. Сейчас придут религиозные евреи смотреть квартиру... Это не очень долго, посиди так...

Я послушно надела на голову шаль и тут же превратилась совсем в другую женщину.

Евреи в черных шляпах и во всем длинном черном пришли, посмотрели на меня, и я почувствовала себя честной и правильной, так чувствуют себя, предъявляя автобусный билет контролеру.

И знаете, мне понравилось.

По крайней мере на тот момент.

Мне вдруг захотелось стать настоящей еврейкой, вырасти в большой патриархальной семье, чтобы дедушки и прабабушки, чтобы молитвы по субботам и не только, чтобы рыба, чтобы много детей, чтобы детей много и внуков, чтобы свечи по субботам...

И чтобы быть не такой, какая я выросла и стала, а вот такой – покорной, с покрытой головой, молчащей и опустившей длинные ресницы...

Впервые в жизни я этого захотела.

Пусть в следующей жизни.

Потому что в прошлой я точно была такой.

Нет, ответьте

Звоню в банк, чтобы восполнить лимит кредитной карты и, наконец, с облегчением закрыть ее.

И забыть навеки обо всех непонятных процентах, нескончаемых.

Молодой банковский человек Денис спрашивает:

– По какой причине вы отказываетесь от пользования нашей картой? Можете ответить?

– Нет, не могу.

– Можете ответить, по какой причине вы не можете ответить, почему вы отказываетесь от пользования нашей картой?

– Нет, не могу.

– Можете ли вы ответить, почему вы не можете ответить, по какой причине вы не можете ответить, почему вы отказываетесь от пользования нашей картой?

– Просто не хочу отвечать.

– Можете ли вы ответить, почему вы не хотите отвечать?

– Не могу.

– Минуточку, оставайтесь на линии, с вами будет говорить другой сотрудник.

– Мне не нужен другой сотрудник, я ухожу из вашего банка.

– Можете ли вы ответить, почему вам не нужен другой сотрудник?

– Мне нравится вы, Денис. Можно я положу трубку?

– Можете ли вы ответить, почему вы хотите положить трубку? У вас есть претензии к обслуживанию?

– Нет у меня претензий. Ни к кому.

– Ваш телефон, с которого вы звоните, еще актуален?

– Да.

– Ждите звонка в течение двух дней.

– Мне не нужно больше звонить, пожалуйста...

– Можете ли вы ответить, почему вам не нужно больше звонить?

Гречка при синагоге

В еврейской школе при синагоге Петербурга моя дочка училась первые три класса.

Когда мы пришли знакомиться со школой, нам показали столовую и кухню, где будут кормить потом несколько раз в день наших детей домашней едой.

Я заглянула на кухню и увидела двух стариков, женщину и мужчину, похожих на всех моих пожилых родственников по всем линиям.

Старики сидели и морщинистыми руками тщательно перебирали гречку. Как дома, для своих внуков.

Крупинку туда, крупинку сюда.

Эти старики и их руки и слезящиеся глаза, которые напрягались для того, чтобы в кастрюлю не попало ничего плохого, до сих пор стоят передо мной. Завуч школы сказала, что они приходят добровольно и бесплатно перебирают гречку для детей. Их никто не просил.

И я подумала тогда, что можно истребить миллионы евреев, можно их просто не любить, но главное желание еврейских бабушек и дедушек, чтобы их дети и внуки были всегда сыты и вкусно накормлены, истребить невозможно. Оно вечно.

Как вечен наш народ.

Или про ее отсутствие

В пробке про что только не думается.

Про любовь тоже.

Думается и вспоминается.

Чужие истории и свои.

Например, как я мужу посоветовала надеть самую лучшую, очень к лицу ему, рубаху...

Перед тем как он собирался со своей первой школьной любовью по скайпу через много лет разговаривать.

Очень волновался, я видела. Нервничал. И тут я со своей рубахой. Хотела, чтобы он понравился первой любви. Правда.

– Ну, ты даешь, – сказал он тогда изумленно. И стал еще больше волноваться. Теперь от всего.

Или история не моя. Но фантастическая.

Одна жена тяжело заболела, тот самый диагноз.

Прооперировали.

Муж не отходил от нее ни на минуту. За руку по врачам, ждал у кабинетов и операционных. Потом ухаживал лучше родной матери, менял окровавленное белье, мыл лежащую, кормил с ложечки.

Жена от счастья стала поправляться. Не могла поверить, что ей так с мужем повезло. Они оба еще вполне молоды были и красивы.

А потом она поправилась, выписалась домой, и муж тут ей сказал:

– Я сделал все, что мог, я не оставил тебя в самую тяжелую минуту, я выполнил свой долг. А теперь я ухожу к другой. Я давно ее люблю. Прости.

Жена эта как не умерла – непонятно. Лечилась долго у психиатров, знаю. И это тоже про любовь.

Или вот еще.

Жена в депрессии сильной, сон пропал начисто, аппетит тоже, не спит вообще, не ест вообще, только курит. Вес теряет катастрофически. Только ходит туда-сюда, успокаивается так... А муж сидит в кресле, большой такой, крупный мужчина, и молча плачет.

– Господи, – говорит, – что же мне с тобой делать... Не могу смотреть, как ты страдаешь. И слезы молча.

А жена говорит:

– Как-то скучно с тобой. Надежный ты какой-то. Я не привыкла. Я страдать привыкла до тебя. А с тобой... Вот и заболела от надежности твоей. От предсказуемости.

А муж долго думал, молчал, а потом говорит:

– Я лучше откажусь от тебя, чем заставлю тебя страдать. И не проси.

И это тоже про любовь.

Много историй знаю, так сложилось, и все про любовь.

Потому что вся жизнь – про любовь.

Или про ее отсутствие.

Родная

Три вещи мне никогда не надоедают – смотреть на воду, спать и слушать Сезарию Эвору.
И видеть ее, поющую.

И пытаться разгадать загадку, на которую нет ответа, – откуда волшебство во всем? Гармония – откуда?

В ее музыке, в ее голосе, в глазах, губах, улыбке.

В манере двигаться, говорить, общаться со своими музыкантами...

В манере жить, когда была жива.

Когда я уйду из дома, я включаю Сезарию, оставляю ее у себя дома. Возвращаюсь, поворачиваю ключ, а она все поет... Ждет меня.

Никакие освящение квартиры не нужны, когда в ней льется из бесконечности в бесконечность самый живой и теплый голос на свете.

Голос любви.

Родной.

Ленин во мне

В школе я случайно проглотила октябратскую звездочку с маленьким Ильичом, где он такой молодой-молодой, с ангельским лицом и красный октябрь еще впереди.

Родители тогда очень испугались и ежедневно искали звездочку с вечно живым Володей в продуктах моей непутевой жизнедеятельности.

Так и не нашли, или им просто надоело это занятие, или звездочка окислилась внутри и растворилась, уже не помню.

Это, конечно, только я могла сделать, проглотить значок, после чего везде и всегда слыла неблагонадежной, хотя ничего такого не делала.

Просто посмотрят на меня и сразу говорят – это она. Больше некому.

Как будто я Троцкого проглотила.

Розы на постели

У меня постоянно куда-то исчезает постельное белье. Как второй носок из пары, про который уже притчи слагают.

В общем, всем друзьям я говорю, чтобы дарили только постельное белье. Они уже знают, что у меня какой-то бермудский треугольник в доме – куда-то убегают то простыня, то наволочка...

А вчера мне подарили... вообще...

Шикарный набор постельного белья, на него даже страшно ложиться.

Там по меньшей мере Софи Лорен должна спать, а не я.

На белоснежном фоне какие-то потрясающие алые розы везде, как живые. А наволочки и пододеяльник – на молниях!

Нет никаких идиотских дырок, куда впихиваешь одеяло всем подъездом, и все равно оно потом вываливается.

Постель на белоснежных молниях! Аж стыдно спать на такой.

Сыну показала, говорю:

– Тут внутри два комплекта, бери себе один, стели, будем, как цари, сегодня с тобой...

А сын говорит:

– Розочки? В жизни на розочки не лягу... Я что, баба, что ли?

– А что ты хочешь? – спрашиваю. – Чтобы там ноутбуки нарисованы были? Или футбольные мячи? Или гантели?

– Ну не розочки же..

А я ему:

– Ну возьми изобрети постельное белье для мужчин! Вон Цукерберг в твои годы уже фейсбук придумал...

– Мама, не морочь голову со своими розочками и гантелями, тут «Реал» с «Атлетиком» играют...

И пошел на мой диван, уже розочками покрытый, Лигу чемпионов смотреть. Дико заорал раза два, спустившись на пол и обхватив голову руками, потом опять заполз задом на диван и опять заорал еще раза два. Итого, четыре гола, наверное, было. Или не было.

Так и уснул, счастливый, на моих розочках. Как миленький.

Так и не поцеловал

Ох, зачем я вспомнила вдруг Хампердинка?

Сто лет не вспоминала и вдруг вспомнила и нашла и стала слушать. Столько сразу всплыло...

Таллинский период.

Белые ночи и озеро Харку недалеко от дома.

Там лодки ночью спят и небо алое с серым, не темнеет. И я всю ночь на лодке с красивой юношей, нам по семнадцать, второй курс.

Аполлон просто, а за ночь ни разу не поцеловал, хотя Аполлон, правда. Свитер и куртку свою на меня накинул, чтобы не замерзла, но не поцеловал. Правда, дрожал немного, от ночной прохлады с озера, думала я тогда.

И на третью ночь в лодке не поцеловал, и на десятую.

Вы такое видели? Я – да.

Думала, что сама виновата, крокодил я, наверное... А он говорил, что нет, не крокодил, а наоборот, а я не верила. Вот если бы поцеловал...

Потом на дачу пригласил, сказал, что родителей не будет.

Землянику мне собирал и приносил в ладонях, в тазик воду теплую налил и ноги мыл мои грязные от дождя и дачных грядок, чтобы не простудилась. Но опять не целовал.

Вообще не трогал, ужас.

А ведь Аполлон, правда, красивый и умница, но не целовал.

Потом что-то... не помню, а помню, как уже женатым и при ребенке вдруг пришел ко мне на работу.

Сказал, что мама умерла.

Я сказала:

– Боже... Ты как?

– Нормально, – ответил он.

Он спортивный был, сильный, красивый, не плакал, просто пришел ко мне.

Через много лет мне написали, что видели его, такой же красивый, поседел, развелся, женился второй раз на какой-то экзотической женщине и ребенок там тоже есть. А меня ни разу не поцеловал.

Я написала – встретите, передайте ему, что никогда не прощу. Что так и не поцеловал. Ответили мне – все передали. Дословно.

Он рассмеялся и сказал: зато я никому больше ноги не мыл. В тазике, теплой водой.

Чтобы не простудилась.

Я вас тогда люблю

Подо мной сломалось рабочее кресло.

Одно колесико обломилось с хрустом, а второе отлетело и покатилося по полу. Это я так решила потянуться и откинуться на спинку, и вот результат.

Перед этим сотрудница почти насильно угостила меня рулетом с маком и сказала:

– От одного куска не потолстеешь.

Но, видимо, я сразу потолстела, потому что – вот...

Я расстроилась и решила срочно худеть, потом позвонила завхозу Вите и сказала:

– Не убивайте меня, я сломала два колеса, а одно с корнем... Выручайте, мне еще десять часов работать... И вообще, ужас.

Виктор сказал:

– Да вы не переживайте, это такие колеса хуевые, совсем хлипкие, щас приду сделаю.

Я почти закричала:

– Так это не я толстая?! А колеса хлипкие?!

– Конечно, не вы. Это колеса. В смысле хлипкие. А вы нет.

– Я вас люблю тогда, Виктор, – сказала я и отломила еще один кусок макового рулета.

Плакал и плакал

Я живу в пятиэтажке.

Мне здесь очень нравится.

Наши несколько пятиэтажек стоят параллельно друг другу, и я вижу свет в окнах напротив вечером и редкие желтые окна ночью.

Одни и те же окна ночью светятся, почему-то всегда это вызывает тревогу... Здесь совсем другая жизнь, чем в панельных высоких и длинных многоэтажках.

Все знакомы, все подвальные кошки кормлены и поглажены, летом под окнами разбиты клумбы, для себя и для людей.

Много зелени и даже дикие вишни с маленькими красными вишенками. В Петербурге.

Очень напоминает детство все вместе.

Часто кто-то громко, для всех, включает музыку, и этот кто-то, невидимый, с хорошим вкусом.

Сегодня полдня парил над дворами дудук.

Дудук! Полдня!

Плакал и плакал.

Рвал душу.

Да ну вас всех

Неделю я носила в себе страшную тайну, государственную.

Это было очень тяжелое испытание, это совсем не то, что никому на работе не проговориться, что Ирка влюбилась в гражданина Бангладеш. Хотя и это тяжело, про Ирку и Бангладеш молчать.

А тут такое!

Тайну мне выдала женщина в очереди к зубному.

Она из тех женщин, которые тайны не выдают только в зубном кресле, потому что рот открыт и там посторонние предметы.

Женщина оказалась супругой (именно супругой, настаиваю) какого-то крупного человека из военной промышленности.

Я сразу поняла, что муж у нее крупный, по ее расслабленности, беззаботности лица и постоянным позевываниям.

В общем, проговорилась супруга, что муж только на пенсию вышел, а его тут же возвратили назад, поскольку пошли большие заказы из Пакистана на наши ракеты, номера не помню ракет.

– Так что теперь квартиры новые детям купим, а свой таунхаус внуку отдадим, – сказала супруга.

Я подумала, что муж ее ночью проговорился, наверное, во сне, и что она теперь по всем зубным коридорам несет эту военно-промышленную тайну моей страны.

Неделю я ходила с проглоченной тайной и боялась заснуть на работе, чтобы не проговориться.

Тайна подпирала меня изнутри и мешала дышать и думать о чем-то другом, более низменном, чем ракеты.

А вчера я включила телевизор, а там один гость в студии вдруг так спокойно берет и МОЮ тайну всем выбалтывает.

То есть вот прям так и говорит про заказы, Пакистан и ракеты.

Я так и села.

Потом расслабилась и подумала – да ну вас всех.

Не ешь

Каких только диет мне не предлагают.
Справа, слева, сверху, снизу...
Всплывают окна с разными диетами. И все потому, что всего один раз за долгую жизнь
я зашла на сайт одежды для пышек.
Теперь я обречена, помечена, занесена и вовлечена.
Диеты есть разные. Одна лучше другой.
Просто не ешь.
Ешь, но не просто.
Не ешь.
Ешь что хочешь, все равно похудеешь.
Не ешь после шести. Считай калории.
Калории считать не надо, надо просто есть, но только жиры. Только. А углеводы и белки
не надо.
Диета Пугачевой и Милявской.
И даже диета Валерии.
Валерии! Диета!
И все во имя чего?
Во имя того, чтобы сбросить свои сто кг и с ужасом обнаружить, что ничего – ничего! –
в твоей жизни не изменилось. Ничего. Ничегошеньки просто.
Счастья не меньше.
Горя не больше.
Любят не меньше.
Завидуют больше, потому что еще и худая.
Во имя чего тогда?
Чтобы сесть легко и воздушно в кресло, подпереть опавшую в пять раз щеку, закинуть
похудевшие ноги одна на другую, как в «Основном инстинкте», и заплакать.
Горькими и светлыми, как и раньше, слезами.
Очищенными, правда, от шлаков.

Ничего не понимаю

Я слышу польскую речь – и каждый раз реагирую. Всем существом.

Потому что мои предки польские евреи.

Я слышу украинскую речь – и слышу музыку.

Могу долго слушать.

Потому что мама из Николаева, а папа из Запорожья.

Они учились в украинской школе и в их речи до сих пор украинизмы.

Я слышу узбекскую или таджикскую речь – и становлюсь ребенком, потому что там я родилась и выросла.

Я слышу иврит – и со мной происходит что-то невероятное. Потому что много веков назад у моих праотцов все было по-настоящему и навсегда.

А русский просто мой родной язык и самое большое удовольствие.

И я себя спрашиваю – о какой независимости друг от друга мы все говорим?

Мы связаны веками, историей, слезами, радостью и кровью крепче любых деклараций о любых зависимостях, независимостях и созависимостях.

А в остальном я ничего не понимаю.

Снаряды и сердца

В нашем городе дождь.

Я люблю дождь.

Больше, чем солнце.

Но дождь можно любить, когда солнечно в душе.

А когда нет – затяжной дождь вытягивает остатки души и не оставляет надежды.

Но у нас всего лишь идет дождь, подумаешь...

А тоже у нас, только все называют это место, где война, по-другому, просто ад.

Так что пусть идет дождь и днем и ночью.

Пусть вытягивает душу.

Остатки ее пусть рвутся.

Только пусть не рвутся больше снаряды и людские сердца.

Скорбные лица счастливых

Есть люди, которые рождаются со скорбным лицом и одновременно с как бы брезгливым...

Они скорбно и брезгливо проходят по родовым путям, скорбно и горестно сидят на горшке в яслях, скорбно отдают и наслаждаются... И вообще – с отвращением читают жизнь свою. И с завистью – чужую...

А пока раздаются их нескончаемые стоны про то, что жизнь говно и все люди тоже, жизнь этих скорбных людей проходит в благополучии и полном здравии. Слава те господи.

А в это же время из разных палат нашей онкологической больницы доносится вполне здоровый смех прооперированных или ожидающих операцию людей.

Они все знают уже про себя, но их носогубные складки не опустились в вечной скорби обреченности, они никого не винят и не кричат – за что мне, праведнику, это...

Они помогают друг другу хорошей шуткой, словом, молчанием и взглядом.

Эти люди сидят сейчас за одним со мной столом, разговаривают обо всем и ни о чем и часто гомерически хохочут, потому что живы, всегда были живы и будут еще живее.

Я их всех люблю и восхищаюсь ими...

И совсем чуть – собой тоже... Теперь.

А еще больше я восхищаюсь нашими врачами, которые не выходят сутками из операционных и спасают, спасают, спасают...

Они не ищут плохого в жизни. У них просто нет на это времени. Они настоящие мужики и больше молчат, молчат и спасают...

Без всякой скорби на лице и ежедневного поиска несовершенств мира.

Какой прекрасный опыт я приобрела, какой удивительный...

Которого не пожелаю.

И все же удивительный, и – да – прекрасный.

Ватрухи

А вчера меня навестили девочки с работы, Маша и Лиля.

Они принесли мне большой букет крупных ромашек, который еле поместился в широкую пластиковую банку из-под фурацилина.

Девчонки всегда мне дарят только полевые цветы, хотя я совсем не напоминаю русское поле с его тонким колоском.

Но полевые цветы и правда люблю, наверное, когда-то проговорила об этом в рабочее время.

Маша так похудела за полтора года, что я узнала о ее визите только по янтарным бусинкам на ее же шлепках, а так бы думала, что одна Лиля пришла. Которая всегда была нетолстой, но на фоне Маши сегодня любой борцом сумо покажется.

Девчонки сделали вид, что я отлично выгляжу, и как бы не заметили мою раздутую на метр влево щеку.

Они сказали:

– Просто отлично смотрите, сразу видно, что наконец высypаетесь.

– Ну да, – сказала я, – врете, конечно, но молодцы... А как вам моя щека, нравится? – спросила я зачем-то... Дурацкая привычка задавать вопросы, на которые не хочется слышать ответ...

Девчонки пожали плечами и чрезмерно равнодушно сообщили, что я стала похожа на бурундучка с левым уклоном.

Или на половину пропитого географом глобуса.

Потом они вытащили упаковки очень крупного прозрачного винограда со словами «Вам нужна глюкоза».

И тут же рассказали все свежие новости с работы, а также про то, что в Африке мальчишки писают друг другу на черные курчавые головы, чтобы стать блондинами... И в строку добавили, понизив голос, что эти же африканские мальчишки стимулируют эрогенные зоны африканских коров, чтобы улучшить надой молока...

Я глубоко задумалась, а девчонки засмеялись и сказали:

– Вам все равно теперь в Африку нельзя. Там солнце.

Потом я всполошилась, что ничем не угощаю гостей, и стала предлагать то это, то то из холодильника.

А Маша и Лиля сказали:

– Как вам не стыдно, почему вы к нашему приходу не испекли в больнице торт? Почему? Вот так приходи к вам...

А я им говорю:

– Виновата, пошли в кафе, там посидим...

У нас в онкоцентре на седьмом этаже кафе есть, уютное и прохладное. А в палате пекло светит прямо в глаз.

Мы пошли в кафе, и буфетчица сказала:

– Девчонки, возьмите ватрухи... Ватрухи свежие, только привезли.

Маша и Лиля захохотали, очень им слово «ватрухи» понравилось, и все повторяли:

– Надо же... Ватрухи... Прелесть.

А я радовалась, что могу их угостить не только ватрухами, только бы они подольше не уходили...

И тут же вспомнила Петруху из «Белого солнца пустыни» и резко захотела посмотреть это кино.

Чтобы услышать в сотый раз припев про повезет в любви...

Ну и про госпожу удачу.

Жаркое лето, 2014-й

Наконец-то вечер, и ослабла лютая жара.

Мокрые от душной влаги волосы стали вдруг виться, от тела стало чуть отходить влажное, невесомое изначально, а сейчас тяжелое платье. Туника.

Я почти все время спала, просыпаясь, чтобы прочитать еще десять примерно страниц.

Один раз сквозь липкий сон я улыбнулась, не открывая глаз – это медсестра приоткрыла дверь и тихо сказала: «Леди спит... Пусть. Потом градусник дам...».

Это леди меня рассмешило во сне.

За окном очень красивый вид, много зелени и коттеджи с коралловыми черепицами.

Я долго смотрю в окно и вдруг слышу, как закипает невключенный чайник.

От раскаленного солнца закипает.

Чудеса. Петербург. Странное лето 2014-го...

На ужин привезли макароны с сыром и со словами «Ну вы, конечно, не будете». Я сказала: – Конечно, не буду, но давайте, спасибо.

Рядом со мной бабушка, которая любит макароны и вообще все.

К ней никто не приходит.

Она все время молчит, смотрит перед собой и улыбается, вспоминает про любовь...

Говорит, что ее многие любили.

Ирина

Сегодня на сестринском посту Ирина.

У нее всегда одна и та же в ярких цветах зеленая блузка и пшеничные волосы. Ходит она быстро и уже издалека в коридоре говорит всем встречным:

– Все будет хорошо.

Встречные отвечают по-разному.

Кто-то молча улыбается и машет вяло рукой.

Кто-то отвечает:

– Спасибо, дорогая, спасибо...

А кто-то ехидничает по-доброму – мол, все не все, но что-нибудь хорошо да будет... Мы не возражаем.

У меня с Ириной особые отношения.

Она вместе с другой шумной сестричкой везла меня на непослушных вихляющихся носилках в операционную, и обе матерились про зарплату и их старшую сестру.

Я лежала сиротливо и, сглатывая первые за эти дни свои слезы, слушала их разговор.

Надо мной прыгал потолок, они везли быстро...

Сестрички поведали невзначай, что скоро в целях борьбы с коррупцией во всех бюджетных медконторах поставят видеокамеры и прослушки. И фиг тогда отведешь душу про зарплату, график, суку старшую, не говоря о начальнике всего здравоохранения...

И пятисотку в карман от благодарных пациентов или там тыщу уже не положишь.

Потом эту же информацию подтвердила навестившая меня зубной-терапевт нашей районной поликлиники красавица Надя.

У них уже везде в кабинетах видео- и аудиопрослушки.

Самых рьяных коррупционеров державы лишили-таки кислорода, да. И – мда...

Но Ира сказала, что она положила на все камеры и прослушки и пусть они еще таких дур найдут – за такие бабки и с такими тяжелыми больными еще не материться и не ругать график и кривые носилки.

Потом Ира увидела, что я плачу, и сказала:

– Прекратить мне плакать немедленно. У вас сейчас давление поднимется и отменят операцию... И анестезиолог не допустит, вы че?!

Анестезиолог оказался волшебным Сашей.

Никто и никогда так ласково не вводил меня в забытие и не выводил из него.

Когда он вывел и сказал: «Просыпайтесь, все хорошо», я поняла, что у меня теперь еще один родственник.

Как и эта шумная Ира. Которая всю ту ночь не отходила от меня и делала уколы от боли.

Главная коррупционерка страны.

Мед с комаром

Громадный тихий комар все не решается залететь в палату. Кружит беззвучно около открытой части окна и смотрит на меня, а я на него.

Я смотрю на него и думаю, как он не даст ночью спать.

Потом я устаю следить за его намерениями и хитростями и чувствую, что мне уже все равно.

Пусть летает, пьет кровь, кусает... Мне все равно, кажется, я засыпаю...

Я встаю, чтобы убрать со стола перед сном, и вижу комара в банке с тягучим удмуртским медом.

Мед принесла подруга, и мне очень нравится пить несладкий черный кофе, облизывая прозрачный мед с ложки, наслаждаясь, задерживая его во рту.

Комар увяз в сладком тягучем раю и погиб.

Лежит неживой, был и нет его.

И тут я сразу могла бы написать пошлятину про то, что погибель свою чаще всего и находят в раю, или что-то еще подобное, притчу какую-нибудь очередную сварганить, про комара и мед. И про погибель в раю, конечно же, а где ж еще.

Но никакой притчи не вижу и не хочу.

Просто комар попал в мед, не смог вылезти и погиб.

А могла бы муха это быть. Или мошка.

В общем, банку надо было закрыть вовремя.

А то банки оставляем открытые, а потом притчи плодятся.

Героям слава

Ой, че тут было...

Короче, одна пациентка из соседней палаты схватила свою постель с подушкой и одеялом и ушла проситься в другую палату.

Как только что выяснилось из достоверных источников в лице сестры-хозяйки Гали, пациентка не сошлась во взглядах с приятелкой по соседней койке.

У них оказались разные мужские вкусы.

Одной нравится Порошенко, а другой даже не Обама, а сам Путин.

Поскольку дышать одним воздухом более стало невозможно, фанатка Путина схватила постель и с прямой спиной покинула палату.

Которая Порошенку любит крикнула в спину вражине:

– Ну и иди с богом, дура.

Я уточнила у сестры-хозяйки:

– Они что, совсем?

На что Галя ответила:

– У нас такие же больные, как и во всей стране.

И рассказала, что недавно один пациент ходил по коридору и всем сообщал, что слава-украинегероямслава.

Но поскольку он давний и тяжелый больной, ему все поддакивали и соглашались, что да, слава.

Тонкие вены

В юности мне говорили на физкультуре – совсем мышц нет, совсем...

Сегодня брали кровь из вены и все приговаривали – совсем вен нет, совсем... Куда попрятались ваши вены, говорили... А?

Наконец, нашли какую-то бледную серо-голубую извилину на ладони и быстро поймали ее иглой.

Я боялась услышать – совсем крови нет, совсем, куда кровь делась, а? Но тут вошла медсестра постовая и сказала:

– Ну и жара... Ужас... Как я ненавижу жару, ужас, а говорят, что еще две недели будет и под сорок...

И тут моя, которая по венам, говорит:

– Слушай, Ира, не беси меня, не мешай работать со своей жарой... И так не знаешь, откуда кровь брать, все вены как провалились... Выйди из кабинета, давай-давай...

Ира обижаться не стала, а ответила, выходя:

– Совсем от жары все обнаглели... Орут... Выгоняют... Вены не может найти, а я виновата, ага. И подмигнула мне.

А которая по венам сказал:

– Вы не переживайте, мы так-то вообще-то дружим все... Но эта жара, блин... И ведь еще две недели, ужас...

Не повезло вам... Зато я веночку нашла, ваточку прижмите и подержите... А то синяк будет.

Я пошла мимо поста, и Ира мне говорит:

– Как будто я виновата, что жара, ужас, еще две недели, говорят...

Тут я рассмеялась и забыла ваточку прижать.

Теперь синяк будет.

И тебе заодно

Мне тут не спалось немного, а вспоминалось...

Например, как я застряла в туалете самолета Таллин – Адлер.

Больше часа простояла в туалете, никак не могла выйти, от паники не на те кнопки жала, но тщетно.

За собственные деньги медитировала на воронку унитаза и мечтала через нее выйти в открытый космос.

А когда кто-то просто открыл дверь с той стороны, я была уверена, что это мой сосед-эстонец, с которым у нас локти в креслах соприкасались.

Думала, он разволновался, что меня долго нет, и всех поднял на ноги.

Но сосед как сидел в кресле, так и головы даже не повернул при виде меня. Теперь я знаю, что это называется прайвеси или еще как-то. В общем, это когда к тебе не лезут ни в душу, никуда. Пока ты не попросишь сам.

Но и то гарантии нет.

Вдруг ты попросишь, но пожалуйста забудешь сказать.

Или попросишь, а им неохота. Спасать там или вмешиваться в чужое.

Чужие проблемы решать, тащить их на себе.

Есть здесь и плюс – если никто в душу не лезет, значит, потом в нее не плюнет...

Вообще у эстонцев много этнического достоинства, двенадцать лет с ними прожила и проработала.

Например, если на пляже в Сухуме сидят эстонские спортсмены, то они не умрут от радости, что кто-то вдруг с ними по-эстонски заговорил.

Не улыбнутся даже, а уж тем более не вскочат, не обнимут и не побегут тебе шашлык покупать.

Просто с достоинством ответят тебе так же, по-эстонски, как будто это всемирный язык, эсперанто такое, и чего тут радоваться. Не то что узбеки питерские или таджики.

Я ужасная гадина, все время использую этнические особенности в корыстных целях.

Они как одно слово хотя бы услышат от меня на их языке – тут же готовы на все, весь мир подарить, цену сбросить, угостить и чуть ли не взять к себе на работу кондукторшей.

Не говоря уж о грузинах.

Им только одно слово на их языке скажешь – они тебе все розы с революции роз притащат.

В общем, есть этническая специфика, как ни крути.

Кстати, эстонцы отличные ребята.

Я в эстонском коллективе на их языке даже думать стала, а когда уезжала в Казахстан, они мне щедро подарков надарили и даже плакали, правда.

А когда мы их отпустили из нерушимого, сразу расслабились и очень нас напоминать стали.

На красный свет ходить стали, бумажки на газоны бросать, громко смеяться иногда...

И русский сразу понимать стали.

Вот мне никто не верит, а я всегда говорю: хочешь, чтобы тебе не сопротивлялись – оставь человека в покое, отпусти, не насилуй, пусть живет, как хочет.

Не обращай в свою веру и не причиняй добро.

И будет ему счастье. И тебе заодно.

Крутая

Дети купили мне в больницу планшет, чтобы веселее болеть было.

Сказали – не позорься, тебя уже целых несколько сотен на земле знает, а ходишь с отстойным мобильником, который с совком для обуви путают... И даже ноута не хочешь. Вообще без желаний какая-то.

В общем, я планшет осваиваю, но он меня нет.

Например, я пишу одно, а он выдает другое, решает за меня, как лучше. Хорошо хоть не по-китайски редактирует, но бесит ужасно.

А сегодня в очереди на перевязку я сидела с этим планшетом, а потом меня позвали, и я его оставила в коридоре.

А пока я заливалась молча слезами от боли и хватала, позорница, молодого доктора за рукав, чтобы не заорать, в кабинет вошел еще один красавец доктор и сказал:

– Это не вы гаджет оставили?

А я ответить не могу и только пальцем показываю, что я.

Доктор укоризненно говорит:

– Не оставляйте, пропадет, какая вы легкомысленная...

И тут мой лечащий Дима отвечает коллеге:

– Вот не пошел бы ты куда подальше со своими нравоучениями... Нашел время... Лучше шпатель подержи, строгий ты наш... Видишь, как терпит, поражаюсь просто.

А я как услышала, что я терплю, то сразу мне себя впервые жалко стало, впервые за столько дней.

Телефон же мой, без наворотов, но с тревожной кнопкой зачем-то, меня вполне устраивает.

Если нажать невзначай эту кнопку в полном автобусе, то все выскакивают от ужаса, и я могу сесть на любое место. Так что вполне себе крутой телефон.

Бахила

У меня сейчас сюжетов – раз-два и все не о том... (я не хочу печалить вас ничем). Но даже в этом вынужденном однообразии моей сегодняшней жизни есть свои забавные проблески.

Сегодня одна женщина в очереди к врачу вдруг опустила глаза вниз и сказала всем:

– Ой, а где моя вторая бахила? Было же две!

Все посмотрели сначала друг на друга, очнувшись от своих невеселых мыслей, а потом на ноги той женщины.

Надо было что-то говорить.

Как-то вступить в социальную связь.

Но все молчали.

Просто смотрели на ногу в бахиле и на ногу без бахилы и молчали.

– Где? Ничего не могу понять... Точно же две было, когда я очередь занимала. Где же вторая, где?

Все пожали плечами, а самая активная и сердобольная сочувственно сказала: потерялась...

Которая в одной бахиле возмущенно всплеснула ногами и говорит:

– Как я могла потерять? Я еще в своем уме... и где я могла потерять?!

Активная и сердобольная обиделась, поджала губы и отвернулась.

Тут уборщица протаранила мокрой шваброй коридор, попросив всех нас поднять ноги, и говорит:

– Господи, ну пройдите по поликлинике, где-нибудь слетела с ноги, вот делов-то... Идите и новые возьмите в ящике, они бесплатные...

– Может быть, вы, когда полы мыли, видели мою бахилу? – не унималась героиня.

– Вы думаете, если я ее даже увижу, буду ходить и искать хозяина? Вот вы смешная, не могу... – ответила уборщица.

И тут одна в очереди резко встала, сняла одну свою бахилу, нагнулась и надела на белую шлепку нашей растеряшки.

Все, говорит, не могу больше это слушать, успокойтесь уже и не морочьте нам голову! И даже пятнами пошла.

А та содрала бахилу и говорит:

– Мне чужого не надо. Спасибо. Я хочу понять, куда могла моя деться. Моя, понимаете?

В этом месте я, конечно, не выдержала и захохотала. Постаралась негромко.

А единственный среди нас печальный, худой и небритый мужчина вдруг как заматерится, как-то неожиданно.

– Блядь, – говорит, – во всем ей хочется дойти до самой сути... епта.

Ну, это он зря сделал.

Уже сколько часов прошло, а я все вспоминаю и смеюсь.

Но он же не знал о моей смешливости, такой худой, небритый и печальный.

Не грусти, мужик, прорвемся.

Нельзя

Позвонил бархатный слишком интимный баритон и спросил:

– Вы готовы разговаривать?

Я сказала:

– Смотря о чем.

И на всякий случай поправила волосы.

– О цифровом телевидении и Интернете, – ответил баритон.

– Мне не нужно цифровое телевидение, у меня телевизор старый, не для цифрового, – отвечаю. – И Интернет есть. Мне хватает.

– Как это старый? Почему старый? Зачем вам старый? Почему не новый? – интимный баритон сменился маркетинговой трескотней натренированного юноши.

– Молодой человек, вы хорошо работаете и все у вас будет хорошо, но мне нравится старый телевизор, на нем может лежать моя кошка и стоять ваза с цветами, а на новом не может, и это для меня важнее цифрового телевидения, которое от этого лучше не станет и хуже тоже. До свидания.

– До новых встреч, мы вам перезвоним вечером, а вы подумайте...

Я предупредила сына, что будет перезванивать юноша про Интернет и цифру.

Сын сказал:

– Достали.

Я сказала:

– Достали.

И мы одновременно посмотрели на кошку Мусю.

Она лежала на старом телевизоре, и от радости, что мы ее не променяли на какую-то цифру, скинула хвост на экран и стала им ритмично постукивать. Перекрыла пушистым рыжим хвостом экран, и я перестала видеть красивую ведущую РБК, которая привычно и буднично сообщала об убитых и раненых... Нельзя красивым женщинам рассказывать одинаковым голосом о котировках на биржах и о войне.

Ни в старом телевизоре, ни в цифровом.

Павлин

Или, например, та семья в азербайджанском кафе, где я 0,5 армянского коньяка выпила. Пришли на семейный ужин. Вышли в свет. Муж в новом костюме, руки в карманах, походка...

О, это особая походка!

Походка человека, у которого не было ни гроша, да вдруг алтын.

Хозяин мира сразу. Нет, вселенной. Галактики, чего уж там.

Прическа у хозяина... Сказать странная – смалодушничать.

Прическа то ли запорожского казака, который до сих пор носит в кармане письмо турецкому султану, то ли песняра, то ли просто я от моды отстала. Затылок весь в выбритых бороздках с хвостиками на самом краю, спереди вообще... Не знаю даже, как описать. Везде хохолки, как у павлина.

Во! Вылитый павлин.

И походка, и поворот шеи, и новые скрипящие туфли, и руки в карманах... В которых деньги появились.

С ним жена и дочка.

Жена молодая, не больше тридцати пяти. В нелепом вечернем платье, как на «Оскаре» у актрис, в синем и открытом везде. Ноги от шейки бедра голые. Грудь тоже не в чадре. Для азербайджанского кафе самое то.

Лицо у женщины такое, как будто пьет много лет, с детства. Или плачет много лет.

Несчастливое, заплаканное или спитое лицо, когда-то красивое...

И вечернее синее нелепое платье.

Вышли семьей в свет...

С ними дочка, светловолосая, простоволосая, лет двенадцати. Пришла с мамой и папой поужинать в кафе, вкуснятины поесть. Стол весь в яствах. Гуляем.

Тут папа-павлин на маму в синем платье орать начал.

Сначала покрякивал, а потом заорал.

Девочка, дочка, опустила глаза и стала грызть ногти. Перестала есть, отвернулась. Думаю, плакала.

Мама в синем закурила, стряхивая пепел на стол, руки трясутся... Потом пить стала.

Только пьет, не ест вообще.

И вдруг встает и на середину зала, танцевать. Одна.

Танцует очень красиво, хотя видно, что пьяная. Как будто никого вокруг нет. Танцует себе и танцует, красиво очень.

Я на дочку смотрю, она еще ниже голову опустила, плачет молча, стыдно ей... Потом павлин-папа медленной походкой к жене танцующей приближаться начал. Схватил ее грубо под ягодицы, прижался, и теперь они вдвоем танцуют. Дочка исподлобья смотрит на них, украдкой, дышит тяжело, злится.

Потом павлин с женой ругаться начал, что-то ей говорить во время танца, она его оттолкнула, совсем пьяная, качаясь, к моему столу пошла.

Подошла и говорит:

– Давайте потанцуем, а? Я танцевать хочу... пошли...

– Нет, я не танцую, – говорю. И посмотрела на нее вблизи. Очень красивая была когда-то. Сейчас больно смотреть. И это платье вечернее дурацкое, праздника ей хотелось...

– Извините, – сказала, пошла к своему столу, схватила сумку и, не глядя на дочь и мужа, быстро стала уходить. К выходу пошла.

Дочка вскочила, побежала за мамой, так вдвоем и ушли... А павлин остался. Стал вкусную еду есть. Не пропадать же добру.

Как все

На меня наорала районный врач-онколог, которая в прошлый раз была очень любезна. Не знаю, что случилось у нее, кто обидел или рассердил, но не я, это точно. Ее нервозность на грани истерики, ее крики достигали меня и ударились об вату, которая внутри и снаружи у меня уже почти два месяца...

Ничто не может потревожить меня, ничьи крики и оскорбления, я в другом измерении.

Но когда доктор порвала на мелкие кусочки мой талончик и швырнула в мусорную корзину, я сказала: «Как вам не стыдно?»

Я сказала: «Как вам не стыдно?»

И вдруг услышала себя со стороны. И поняла, что давно это не произносила и ни от кого не слышала, нигде – ни в фильмах, ни в передачах, ни в общении, ни в сети...

Какие старые слова, а как кружится голова.

КАК. ВАМ. НЕ СТЫДНО. Архаизм.

Доктор вдруг замолчала, как от удара по щеке, хотя я спросила это тихо, я вообще тихо разговариваю. И стала опять спокойна и любезна, расстались мы хорошо.

Я пошла все же поправить настроение, в парикмахерскую пошла.

Там не было моей Кати, а была другая девушка. Я села к ней, как во сне. Она спросила:

– Когда вы стриглись?

– Где-то месяца полтора, не помню, – ответила я.

– Если полтора, то полтора сантиметра буду убирать, – сказала она и затянула у меня на шее белую удавку. Я ее ослабила и сказала:

– Каскад. Сделайте каскад.

– Каскад??? Каскад – это фонтан же! Вы хотите на голове фонтан?

– Я хочу стрижку. Фонтан не хочу. Это стрижка так называется...

– Но у вас не каскад! Каскад – это фонтан! Вы фонтан видели когда-нибудь? – И показывает руками фонтан.

Дурдом какой-то, а не день, подумала я, а девушке сказала:

– Делайте фонтан, хорошо. Только стригите уже...

Я прикрыла глаза и открыла только тогда, когда меня ошпарил горячий воздух фена.

– Я вам веселенько делаю. Чтобы весело было. Посмотрите, как весело, все во все стороны, каскадом, как настоящий фонтан.

– Только подсветку не делайте, а так весело. Ухохочешься.

В общем, люди все сегодня мне странные попадались, как подводные лодки. В одном отсеке – одно, в другом – другое, и хорошее, и смешное, и сволочное...

Люди как люди.

А иначе зачем

Вот и закончилась, наконец, первая из пяти недель.

Впереди два дня отдыха и абсолютного счастья.

Отдыха от ежедневного спуска в ад.

Где какие-то невидимые лучи что-то с тобой делают, надеюсь, хорошее, конечно же, хорошее.

Где даже врач-радиолог какой-то inferнальный, со странным взглядом и дьявольской насмешкой в глазах.

Где очередь стала родной, и утром все говорят друг другу ЗДРАВСТВУЙТЕ, и слово это наполнено здесь особым смыслом.

А потом говорят ДО СВИДАНИЯ, и это тоже осмысленное прощание, полное надежды.

Где угасающим детям изо всех сил улыбаются мама и папа, а потом папа несет ребенка на руках туда, а мама остается ждать, и улыбка стекает по ней, как воск по тающей свече...

Где столько сцен любви и преданности друг другу, так много потрясающих сцен! Такой любви и такой преданности, в чистом ее виде, без всяких примесей.

И не важна для любви этой уже внешность мужа, жены, матери, отца, какая там уже внешность... А важно только, чтобы – жили. Жил чтобы. И чтобы жила.

Потому что надо, чтобы было, кого любить.

А иначе – зачем?

Это было забавно...

Вчера я написала о любви.

Мне говорят, что я все время пишу о любви, даже если о смерти.

Я написала вчера, какие я вижу потрясающие сцены любви и преданности в очереди на сеансы лучевой терапии.

Когда уже все мелкое и суетное ушло в одночасье на какой-то забытый план, и остается только любовь в чистом ее, первозданном виде.

После этого одна женщина написала мне, что когда-то ее от смерти спас муж. Она проходила в больнице тяжелейшую химиотерапию, стала некрасивой и без волос совсем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.